

Черный И.Я. Горские евреи //Сб. сведений о кавказских горах. Тифлис, 1870; репринт. издание М., 1992.

В.А. Лившиц

СОГДИЙСКО-ТЮРКСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Махмуд Кашгарский, собиравший материалы для сравнительного словаря древнетюркских языков (*Дивāн лугат ат-турк*), был свидетелем одного из важнейших изменений этнической карты этой области — завершения процесса ассимиляции согдийцев тюрками (по словам В.В. Бартольда, «последняя стадия денационализации согдийцев Семиречья») [Бартольд 1964: 468].

В словаре Махмуда Кашгарского содержатся данные, позволяющие составить четкое представление об основных признаках этого процесса: согдийско-тюркское двуязычие в некоторых районах Семиречья (в том числе в городах Баласагун, Тараз, Исфиджаб) [Махмуд Кашгарский: 1333–1335 г.х. / 1915–1917: 30]; полная утрата согдийцами своего языка в других районах, преобразование фонетической системы некоторых тюркских диалектов Семиречья под воздействием согдийской фонетики («мягкость в диалектах сугдак, коджак и аргу») [Там же: 29]; изменения в фонетике тюркских диалектов всей области Аргу, от Исфиджаба¹ до Баласагуна). Утрата ряда характерных этнокультурных признаков, присущих согдийцам, предшествовала, вероятно, их полной языковой ассимиляции (так, согдийцы Баласагуна «приняли одежду и нравы тюрок») [Там же: 29].

Сведения письменных источников (в частности, приводимые в них данные раннесредневековой топонимики) указывают на существование в Семиречье многочисленных городских поселений, основанных согдийцами в VI–X веках. Эти сведения ныне существенно дополняются археологическими материалами, характеризующими масштабы и этапы согдийской колонизации Семиречья,

¹ Согд. *Spētčār «Белая река», ср. арабское название Исфиджаба — Мадина-ал-Байда «Белый город».

роль согдийцев в городской жизни области, ремесленном производстве, торговле и культуре.

Согдийско-тюркский культурный симбиоз, ярко проявившийся в великой центрально-азиатской эстафете письменности (согдийское письмо арамейского происхождения легло в основу уйгурской и древнетюркской рунической письменности; уйгурское письмо было заимствовано монголами, а от них манчжурами), наложил отпечаток на лексику как древнетюркских, так и согдийского языков. Ср., например, помимо отмеченных в «Древнетюркском словаре» заимствований в тюркские языки из согдийского: *maraz* «поденщик, батрак» из согдийского *marāz*, древнетюркское (огузское по Махмуду Кашгарскому) *čat* «колодец» из согд. *čāt* (перс. *čāh*), древнетюркское *borč* «долг» из согд. *purč*; древнетюркское *suḡdič* «зимние пирушки, устраивавшиеся в порядке очередности» из согд. **suḡdič*, от согд. *suḡd*, *suḡdu* «очищенный огнем», откуда «ритуально чистый», «святой» (ср. для семантики таджикское *алоухона*, букв. «дом огня», с заимствованным из узбекского *алоу* — название мужских общинных домов); древнетюркское *amanč* «знатный; уважаемый; благородный» из согд. **amānč* «мощь; сила; авторитет»; древнетюркское *qatir* «мул» из согд. *xartar*, буквально «отличающийся от осла»; древнетюркское *qumlaq* «эфедра, хвойник» (название растения — производное от согд. *xōm* «хаома», эфедра и священное питье зороастрийцев, авестийское *haoma*-); древнетюркское *baqir* «мера веса» из согд. *panxar* и многие другие заимствования в древнетюркские языки из согдийского.

Следует отметить и заимствования из древнетюркских языков в согдийский, например, согдийское $\beta\delta z|viyiz|$ «резьба, орнамент» из древнетюркского *bediz*; согд. *kap* «форма, шаблон» из древнетюркского *kep*; согд. *ʾrβ* (*arav*) «пламя» из древнетюркского *alov* «пламя, огонь».

Заимствования из согдийского в древнетюркской культовой лексике, связанной с тремя усвоенными через согдийское посредство религиями — буддизмом, манихейством и несторианским христианством, весьма точно свидетельствуют о времени и путях распространения этих религий в тюркской среде. Для Семиречья о наличии согдийцев-буддистов можно судить, в частности,

по находке на территории буддийского храма в Ак-Бешиме булл с согдийской надписью *farn* «благодать, счастье; харизма».

Велика роль согдийцев в применении согдийского варианта сирийско-несторианского алфавита (эстрангело) для фиксации древнетюркских христианских текстов. Этот вариант представлен также в большой уйгурской печати несторианского патриарха тюрка Мар Ябаллаха III (печать была пожалована ему в 1281 г. ильханом Абака-ханом) и в несторианских («сиро-тюркских») эпитафиях из Семиречья XIII–XIV веков. Во многих текстах этих эпитафий встречается согдийский термин *qwišt's*. Это слово следует после женских личных имен, оно точно соответствует древнетюркскому *qoštanc* из согдийского **xwaštanc* «старшая; руководительница; настоятельница», женский род от согдийского *xušt*, *xuštē* «старший; глава; мастер» (вариант *xuštar* отражен в древнетюркском *qoštr*). Эти термины были заимствованы, по-видимому, еще до XI в. и сохранялись в течение нескольких столетий у тюрков-несториан Семиречья.

Согдийский письменный язык не сдал своих позиций в Семиречье и в IX–X веках, когда в этих областях стала распространяться арабская письменность.

Наиболее поздние из известных в настоящее время согдийских надписей в Семиречье относятся к первой половине XI в., эти надписи — самые поздние из известных до сих пор датированных согдийских памятников.

Еще сравнительно недавно считалось, что в Семиречье известен лишь один фрагмент согдийской надписи на керамике — надпись на ручке глиняного сосуда, найденной на городище Красная Речка [Бернштам 1940: 34–43; 1950: 14; Байпаков, Горячева 1999: 151–162]. В настоящее время в нашем распоряжении имеются две группы надписей: на скалах в ущелье Терек-сай и Кулан-сай на южном склоне хребта Кыргызский Алатау (к северу от современного Таласа) и на глиняных сосудах, найденных на раскопках археологических памятников Чуйской долины [Лившиц 2004: 55–56; 2008: 353–363].

Далее приводятся тексты и переводы четырех согдийских надписей на венчиках хумов, найденных на городище Красная Реч-

ка¹, на городищах у с. Покровка, в 20 км к западу от Красной Речки, и на городище Якалыг в Чуйской долине.

1. Надпись вырезана на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная Речка. Одна круговая строка:

'yṇy xwuč'k yrwktṭyn mlp'ny pyδ'r xw xwšt'ry pštwn xčy βrywnčy
y't 'myn 'myn

Надпись звучала примерно так:

|ēnē hwēčak Yaruk-tegin malpānē piδār xo xwaštarē

«Этот сосуд (сделан) для учителя Йарук-тегина. Мастер — Паштван. Да будет (учитель) усердным. Аминь, аминь».

В этой надписи хwuč'k| hwēčak или hwēčē|, букв. «открытый», одно из обозначений хума в семиреченских надписях; Yaruk-tegin — древнетюркское личное имя, хорошо известное в древнетюркских текстах [Древнетюркский словарь 1969: 244]; первый компонент — *jaruq* «свет; сияние; блеск; светлый», это имя засвидетельствовано также в енисейских рунических надписях [Lurje 2010: 459. № 1517]; *mlp'ny* согдийская форма косвенного падежа от сирийского *malphānā* — «учитель; наставник», *xwšt'ry* в этой надписи имеет, по-видимому, значение «мастер»; Pštwn — личное имя, скорее всего, согдийское от древнеиранского **upastā* «помощь», ср. согд. *pstk'r'k|pastkārē* «помощник» [Ibid: 307. № 938]; *βrywnčy* — ср. согд.-будд. *prṇwnčyk|parṇunčīk* или *parxunčīk|* «усердный; старательный».

2. Надпись вырезана на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище у с. Покровка (Чуйская долина). Две строки:

(1) 'yṇy wrs'k p'k'pč n'βčyh β'yt 'yṇy mδw β't š't zmn wx'r xwβw
šyr wun'n

(2) MN βyūšy prnβyty 'lp pylk'xwβw xyp xwčstw šyr'k

(1) |ēnē warsāk (?) pākāpč nafčē vāyd ēnē maḍu vāt šāt žamn wxar
xuvu šīrwēnān|

(2) čan vaṃiši farnvaydē Alp Bilgä xuvu xēp (?) xuḷastu šīrē (?)

(1) «Этот хум — дар народа (селения или города) Пākāп. Это вино в радостное время пей, (о) государь, ясновидящий».

¹ Хум хранится в историческом музее Бишкека. О находке надписи упоминал А.Н. Бернштам [1947: 34]. Он считал надпись уйгурской и датировал ее по археологическим данным IX–XI веками. Фотография надписи опубликована у Г. Джумагулова [1963: 40] и у В.А. Лившица [2006: 365–370].

(2) В этой надписи *warsāk* или *warsē* — обозначение хума; этимология слова мне не ясна; вряд ли связано с согд.-будд. *wrs'k|warsak|* «волос»; *β'yt|vayd|* «дар»; *wx'r* — метатеза из *xw'r* «вкушай; пей», императив 2 л. ед. ч.; *xyp|xēp|* — вероятно, усечение из *xypδ|xēpaδ|* «свой; собственный», ср. ягн. *xap, xwap, xep; βyūšy|vayiši|* — стяжение из *βyūšyū* «(от) богов»; *xwčstw|xujāstu|* — заимствование из перс. *xujaste* «благоденствующий; благополучный»; *p'k'pč|pākāpč|* — относительное прилагательное от *Pākār*, название селения или города, местонахождение его я установить не смог; **Pākār* перс. «чистая вода»; *'lp rylk'|Alp Bilgä*, древнетюркское «мудрый герой»; ср. *Alp Bilgä qaγan* — имя уйгурского хана [Idid: 86. № 74].

3. Краткая согдийская надпись на венчике хума, найденном на городище Якалыг в Чуйской долине, венчик хранится в музее г. Аулие-ата (Южный Казахстан): *šyrpn sps'y|Širfann spasē|* «Епископ Ширфанн», титул и имя владельца хума; *sps'y|spasē|* — «епископ» заимствовано из среднеперсидского-манихейского или парфянского-манихейского *'spsg|ispasag|* — «слуга; слуга церкви; епископ» [Боусе 1977: 2]. Прорисовку этой надписи мне любезно передал С.Г. Кляшторный. Ср. согдийскую надпись на буллах, найденных на городище Канка — поселения, основанного согдийцами в Чачском (Ташкентском) оазисе в первые столетия н.э. на караванном пути, ведущем из Согда в Чач: *'spsk s'nk kw'tynk|əspasak Sānak Kawātēnak|* — «епископ Сāнак, (сын) Кавāта» [Лившиц 2008: 328–331]. Ширфанн, букв. «обладающий харизмой / славой», был, по-видимому, манихейским или христианским (несторинским) епископом VIII–IX веков, находившимся в Чуйском долине.

4. В 1988 г. на городище Красная Речка, раскопки которого вела В.Д. Горячева, был найден венчик хума с одной круговой надписью, начертанной поздним согдийским курсивом; по палеографии надпись можно датировать IX–X веками.

Текст: *'δy xw 'yčy yūšyp L' šm'r xyp yznu w'n L' kyšy 'rt mrty xw'r*

|ādē xō ēčē yišip nē šmār xēp yaznu wān nē kēši ert marti xwār

«Тот, кто не сосчитал никакого ущерба, тот также не увидел своего богатства. А (потому), о человек, пей (вино)».

В этой надписи *хур|xēp|* «свой; собственный» — сокращение от *хурδ|xēpaθ|*; *кушy|kēšy|*, 3 л. ед. ч. имперфекта от *куš-|kēš-* «видеть; смотреть» из древнеиранского **kasaya-*, ср. авест. *kas* «замечать», пашто *kas-*: *kat-* «смотреть; видеть», осет.-ирон. *käsyn* «смотреть; читать», согд. *'nhrks 'y|anxarkasē|* «астролог», букв. «смотрящий на звезды».

Можно заметить, что в надписи имеется аллитерация *šm 'r|šmār|* — *xw 'r|xwār|* «сосчитал — пей», но я не решаюсь назвать ее стихотворной. До сих пор известны лишь несколько фрагментов согдийских манихейских стихов, тонических по структуре — основанных на чередовании ударных и безударных слогов. Можно заметить близость содержания этой согдийской надписи IX–X веков, составленной анонимным автором, к мотивам стихов Омара Хайяма, жившего в XI в., но в своем творчестве, как отметил В.А. Жуковский [1897: 352–363], отразившего сложную историю создания лирических и философских четверостиший (*рубa 'u*) в персидской поэзии.

Библиография

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.

Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Соч. М., 1964. Т. II, ч. 2.

Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1940. Вып. VI.

Бернштам А.Н. Уйгурская эпиграфика Семиречья // Эпиграфика Востока. I. М.; Л., 1947.

Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М.; Л., 1950.

Джумагулов Г. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1963. Вып. 1.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Жуковский В. А. Омар Хайям и странствующие четверостишия. СПб., 1897.

Ливищ В.А. Предшественники Хайяма в Семиречье в VIII–XI веках // Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. № 1 (4). Бишкек, 2004.

Лившиц В.А. Согдийцы дарят хум несторианскому учителю Йаруктегину // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique.* СПб., 2006. Т. 2.

Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.

Махмуд Кашигарский. Китāб дивāн лугāt ат-турк. Истамбул, 1333—1335 г. х. / 1915—1917. Т. I.

Boyce M.A. World List of Manichaean Middle Persian and Parthian. Teheran, Liège, 1977.

Lurje P.B. Personal Names in Sogdian Texts. Wien, 2010.

С.Ш. Салакая

ВЛАДЕТЕЛЬ АБХАЗИИ МИХАИЛ ШЕРВАШИДЗЕ И УБЫХИ

Убыхи — горская народность, проживавшая в районе г. Сочи, отличавшаяся большой воинственностью и оказавшая упорное сопротивление в годы Кавказской войны. По окончании последней они целиком покинули родные края. Убыхский язык (ныне мертвый) занимал промежуточное положение между адыгскими и абхазским языками. Многовековые взаимоотношения убыхов с абхазами весьма интересны, хотя и недостаточно изучены (лучше всего известна история XIX в.).

В данной работе рассматриваются взаимоотношения убыхов и последнего владетельного князя Абхазии (1823–1864) Михаила Георгиевича Шервашидзе (абх. Чачба) на завершающем этапе Кавказской войны (конец 1850-х — 1864 гг.).

Последний владетельный князь Абхазии Михаил (Хамудбей) Чачба-Шервашидзе (1806–1866) имел длительные, многообразные связи с убыхами. Михаил был вторым сыном абхазского владетеля Георгия (Сафарбея) Шервашидзе-Чачба, принявшего в 1810 г. российское подданство. Михаил получил прекрасное горское воспитание у знаменитого убыхского предводителя Хаджи-Берзека Дагомуко (Адагуа-ипа): отлично стрелял из ружья, ловко владел конем и не боялся опасностей [Дзидзария 2006: 43–44]. Конечно, он выучил убыхский язык.